

ПРИМАТ «АКТИВНОЙ ЖИЗНИ»: АРЕНДТ — РЕСПУБЛИКАНСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ?

Обычно обновление республиканизма рассматривают как явление конца XX века. Тем не менее начиная с 1950-х годов философия республики находит оригинальное продолжение в работах Ханны Арендт (1906–1975). И хотя автор «*Vita activa*» (1963) не считает себя «республиканкой», ее внимание к публичной жизни и гражданскому участию открывает перспективы, существенные для республиканизма. Арендт часто опирается на Аристотеля, но также на Макиавелли и Харрингтона, с которым она знакомится по новаторской работе Зеры Финка «Классические республиканцы» (*The Classical Republicans*, 1945), во многом превосходящей собой труды Покока или Скиннера.

Арендт отводит центральное место гражданскому участию как наиболее значимому способу реализации человека. Вопреки теориям демократии, основанным на системе репрезентации, она развивает концепцию политики, где на первое место ставится согласованное действие граждан, через которое каждый преодолевает свои частные интересы и начинает интересоваться публичными делами (*affaires publiques*). Эта валоризация гражданственности неотделима от переосмысления того, что является *спецификой политического*: вопреки господствующим на то время интеллектуальным тенденциям, Арендт видит радикальное отличие политики от экономического и социального. Это различие основывается на размежевании жизни на «публичную и приватную сферы», причем первая связана с категорией «действия», а вторая — с категорией «труда». А значит, необходимо переформулировать аристотелевское определение человека как «животного политического», привязав его к идее, что политическая организация по своей сущности противопоставлена всем остальным естественным ассоциациям, таким как семья или селение. Только

АРЕНДТ
ОБ АМЕРИКАНСКОЙ
И ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИЯХ

В историческом плане Арендт противопоставляет два типа республиканизма Нового времени: модель Американской революции и модель Французской революции, с явным предпочтением первой, единственной имевшей проект институционализации стабильного политического пространства, тогда как вторая быстро была сведена к насилию [Arendt 1963; Арендт 2011]. Причины этого заключались в том, что Американская революция сразу же следовала вдохновению собственно *политическому*, а Французская революция ориентировалась на социальный вопрос. Арендт объясняет, что, в сущности, Американская революция стала возможной благодаря предварительному установлению спонтанного публичного пространства, возникшего из разнообразных инициатив местных ассоциаций и собраний, в отличие от Франции, где преобладала колоссальная социальная нищета и абсолютистское построение государства, законченное выражение которого дала теория абсолютного суверенитета у Бодена. Тем не менее Арендт не довольствуется оппозицией между «хорошей революцией»

(американской) и «плохой революцией» (французской). Ведь с точки зрения республиканских идеалов, Американская революция также явилась их поражением, потому что в конечном итоге ей не удалось установить настоящее политическое пространство, так как «общественное счастье» постепенно подменилось поисками частных интересов. Эти поиски благополучия сопровождался все более и более «негативной» концепцией свободы, поскольку приоритетом было не расширение власти инициативы и согласованного действия собравшихся вместе граждан, а напротив — ее ограничение. Так, истощение политического бурления американского предреволюционного периода и институционализация репрезентативной системы отмечают собой пагубный разрыв, ведущий к ослаблению политического. И наоборот, Французская революция, несмотря на все ее тупики, открыла перспективы эмансипации с образованием «народных обществ» (*sociétés populaires*), которые породили пространство публичной дискуссии: в этом отношении опыт спонтанной демократии, который должен был за этим последовать, как это было во время Коммуны или при возникновении Советов, вписывался бы в самое плодотворное наследие Французской революции.

У Арендт сравнение двух этих моделей республиканизма служит основанием для радикальной критики репрезентативной системы и переоценки различных форм прямой демократии. Ведь, согласно Арендт, в лучшем случае репрезентативная и многопартийная система может лишь гарантировать контроль управляющих со стороны управляемых. Зато эта система *никоим образом не обеспечивает политическое участие*. Конечно, такая демократия позволяет гражданам заявить о себе, но при этом учитываются только их *интересы*, а вот *политическим мнениям*,

предполагающим эффективные политические дебаты, здесь уже места нет. Как это обычно бывает, Арендт предлагает нам блестящий, но спорный анализ. Ее в высшей степени критический анализ Французской революции тяготеет скорее к переоценке роли социального вопроса и недооценке собственно политической динамики. В сущности, ее противопоставление социального и политического весьма проблематично, как в плане описаний, так и практической политики. А ее радикальное неприятие репрезентативной демократии кажется малореалистичным.

активное осуществление роли гражданина позволяет на деле перейти на уровень «политической жизни», в центре которой как раз находится «общее» (*κοινον*), в отличие от жизни домашней, ограниченной сферой частного и обреченной на «поддержание жизни». Таким образом, аристотелевское определение гражданства как способности поочередно править и быть тем, кем правят, показывает, что политическая жизнь является прежде всего той сферой, где человеческие отношения не подчиняются принуждению и приказам между неравными по отношению друг к другу людьми, а как раз наоборот — подчиняются слову и убеждению между равными. Поэтому Арендт вырабатывает концепцию политического действия, которая поддерживается идеей власти, порывающей с теориями Нового времени. Власть не является неким «количеством энергии» или набором инструментов принуждения в распоряжении правительств: она зарождается из «делания общими слов и поступков», благодаря которым множе-

ство политических акторов спонтанно и на равных берет на себя ответственность за публичные дела (*affaires publiques*).

Республиканизм Арендт заманчив, но вызывает ряд возражений. Так, различие между социальным и политическим понижает значение социального вопроса в эффективном поддержании свободы. К тому же Арендт дает нам не очень полную картину Американской революции, в которой недооценивается ее экономическая составляющая. Кроме того, радикальная критика репрезентативной демократии, осуществляемая ради идеала прямой демократии, представляется довольно далекой от исторической реальности и не учитывает позитивных аспектов репрезентативного принципа. А значит, политическая свобода возникает только в исключительных случаях, таких как Коммуна или Советы. Кроме того, гражданское участие приобретает такое значение, что превращается в наиболее предпочтительный модус самореализации, рискуя обесценить тем самым другие виды деятельности и проигнорировать вопрос о правах.

НЕОРЕСПУБЛИКАНИЗМ: НОВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ЛИБЕРАЛИЗМУ?

Критические рассуждения Арендт о республиканизме, долгое время являвшиеся единичным примером, нашли свой отзвук в работах так называемого неореспубликанского течения. Как мы увидим, это течение не было однородным. Оно объединяет самых различных мыслителей, таких как Покок, Скиннер, Петтит, Вирולי или Жан-Фабьен Спитц во Франции. Тем не менее всех их сближает идея о том, что республиканскую традицию надо заново открыть, чтобы можно было предложить иную политическую модель, альтернативную либерализму. Действительно, у либеральной традиции есть некоторые теоретические недочеты, объясняющие